

Зимние образы русской архитектуры уникальны. Барокко, классицизм, модерн в условиях зимы раскрываются наиболее полно. Конструктивизму и прочим «измам» 1920-х годов снежный покров безразличен. Убогость панельных пятиэтажек и новых «этажерок» зимой проявляется резче.

Ключевые слова: зима; Россия; зимние образы архитектуры. /

Russian architecture has unique winter images. Baroque, Classicism and Modern reveal themselves most fully in the winter context. Constructivism and other "isms" of the 1920s are indifferent to the snow veil. In winter, the misery of prefabricated five-storey apartment blocks and new "towers" becomes more obvious.

Keywords: winter; Russia; winter images of architecture.

< Санкт-Петербург. Лев и здание Двенадцати коллегий.
Фото Сергей Астапов

Здравствуй, в белом сарафане... /

текст
Елена Багина /
text
Elena Bagina

Говорят, в России зима встречается с осенью в день Покрова Богородицы: «грязь на Покров – зима встанет через четыре седмицы, снег – будет ранней и морозной».

Последнее время 14-го октября все больше грязь. Где ты, «в белом сарафане из серебряной парчи»? Некогда в середине осени твое дыхание уже было ощутимо, и предвкушение рождественских и новогодних праздников поднимало настроение.

*Игры, братские попойки,
Настежь двери и сердца!
Пышут бешеные тройки,
Снег топоча у крыльца [1].*

Да, Петр Вяземский, хороша была зима в России в конце XIX века, не то, что в Германии, где снег – «<...> рыхленькое тесто, вял народ и вял мороз» [1].

Мрачноватая пифия с косичками Грета Тунберг говорит о всемирном потеплении и прочих экологических проблемах. Маркетинговый ход «Грета» не помогает для спасения подмоченной репутации Греченреасе и партии зеленых, но все-таки после ее больших монологов закрадывается сомнение – а вдруг льды растают, Йоулупукки и Дед Мороз скинут шубы, потонут Венеция и Петербург, в Сибири зима станет европейской. В это верить не хочется. Даже солидные ученые сегодня не могут сказать точно, что нас ждет – потепление или похолодание.

А пока, в начале 2020 года, нет зимы ни в Москве, ни в Петербурге; снег – «рыхленькое тесто». Но новогодняя иллюминация в центре Москвы по пышности не уступает мировым столицам. На окраинах, правда, все буднично. 84 площадки, где все украшено и сверкает – это лишь крошечные точки в огромной Москве. Праздник на улицах и площадях только в туристическом центре. Там все чрезмерно и безудержно по-русски. Но нет снежного покрывала, которое так уместно в зимней Москве.

В XIX веке тоже случалось, что зима запаздывала: «В тот год осенняя погода стояла долго на дворе. Зимы ждала, ждала природа – снег выпал только в январе», – читаем у Пушкина [2].

В 2019 году зима проиграла осени декабрьское сражение, но собравшись с силами в Сибири, она захватила Урал и Поволжье, а там, возможно, и до Москвы доберется.

Снежный покров в русских городах на время усмиряет царство урбанистического хаоса. Осенняя живопись сме-

няется зимней графикой. Деревья засыпают в объездах белых двойников. В незамерзших полыньях городских водоемов плавают обленившиеся утки. От утомительных перелетов они в последнее время массово отказываются. Почему угас их инстинкт – орнитологи не знают. Гуси и лебеди вслед за кряквами остаются в городах. Они рискуют: зима, несмотря на климатические капризы, может показать свой нрав. Уткам холода не нужны, а русские города без снега и мороза не могут показать себя во всей красе.

Зимой боярские хоромы и церкви времен царя Алексея Михайловича подобны цветным графинам и кубкам на белой скатерти государева стола. Прозвище второго Романова на царском троне было Тишайший (по-латыни clementissimus), но XVII век в истории России принято называть «бунташным»: войны с Польшей, Соляной бунт, раскол Русской Православной Церкви, восстание Степана Разина – далеко не весь список трагических событий, случившихся в это царствование. Так или иначе, свое прозвище государь Алексей Михайлович оправдал: 30 лет он выводил страну из кризисов. При нем произошло воссоединение Украины с Россией. Ныне в «Незалежной» стараются забыть о речи Богдана Хмельницкого на Переяславской Раде и не вспоминать, что народ единодушно «вопил»: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» [3]. Жизнь во времена Алексея Михайловича была суровой, а архитектура – удивительно праздничной: строили ажурные, как будто игрушечные пятиглавые церкви, дворцы и палаты, украшенные прихотливой лепниной, карнизами, пилястрами, изразцами, резными наличниками, витыми столбиками... На фоне белого снега Храм Рождества Богородицы в Путинках некогда радовал прихожан яркими красками. Времена изменились: храм сейчас просто белый. Но даже белый он на фоне снега очень наряден. Церковь Святой Живоначальной Троицы в Никитинках зимой, будто боярыня в бархатной шубке и ярком платке. Росписи в интерьерах этой поры – летняя фантазия, согревающая душу зимой. Связь узорочья XVII века с русским народным искусством очевидна. И в то же время этот стиль имеет черты европейского позднего Возрождения и барокко. Но если бы европейские прототипы

^ Иркутск. Знаменская церковь. Фото Елена Багина

^ Иркутск. Зима. Фото Елена Багина

Welcome Winter Dressed in White...

не были переосмыслены российскими и украинскими мастерами, архитектура XVII века не выглядела бы так органично русской зимой.

Узорочье времен Алексея Михайловича сменил стиль, который называют «нарышкинское барокко». Искусствоведы, боясь ошибиться, говорят, что есть в «нарышкинском барокко» черты маньеризма, отголоски готики, ренессанса, романтизма, русского деревянного зодчества и Бог весть чего еще. Но не в этом дело. Западные и восточные заимствования в российской архитектуре легко узнаваемы, но всегда кажутся исконно русскими. Холодные оттенки зимнего неба, снег, северное солнце, не дающее глубоких теней, меняют заимствованные формы. Немецкие принцессы и принцы тоже становились русскими на российском престоле. Говорили многие из них до конца жизни с акцентом, но их дети – уже чисто.

Созданные западными мастерами шедевры петровского барокко зимой обретают свойства, которых у них не могло бы быть ни в Германии, ни в Швейцарии, ни во Франции. Трезиниевский Петропавловский собор и рavelины крепости на фоне замерзшей Невы неповторимы. Зимой в них больше строгости и монументальности.

Летний сад в морозы выглядит мрачно: обнаженные статуи античных богов прячутся от снега и холодов в грубых дощатых ящиках; липы, клены и грабы в снежном убранстве, правда, не теряют своей прелести. Но зима все-таки разрушает идиллию барочного парка. Сад – Летний, и этим все сказано. Зимой летним парадизом петровские вельможи наслаждались в оранжереях.

Говорить о разных ипостасях барокко XVIII века невозможно без его сибирской ветви. Само понятие «сибирское барокко» предложил иркутский краевед Д. А. Болдырев-Казарин в своей работе «Народное искусство Сибири» (1924). Барочные церкви – гордость Иркутска, Тюмени, Красноярска, Тобольска и Верхнеудинска.

Сибирское барокко – архитектура, расцветающая зимой. Так, обманутые комнатным теплом, расцветали некогда экзотические цветы в маленькой оранжерее Марии Николаевны в иркутском доме ее ссыльного мужа Сергея Григорьевича Волконского.

В зеленом летнем уборе сибирские барочные храмы не так ярки, как зимой. В лютые морозы горожане заходят сюда не только помолиться, но и согреться – душу

v Иркутск. Крестовоздвиженская церковь. Фото Елена Багина

^ Иркутск. Дом на набережной. Арх. В. А. Павлов. Фото Елена Багина

^ Санкт-Петербург. Сфинкс. Фото Сергей Астапов

отогреть, на яркое узорочье полюбоваться. Бурятам, исповедующим буддизм, декор иркутской Крестовоздвиженской церкви понятен. Без влияния буддийских храмовых построек здесь не обошлось: естественный мультикультурализм в России существовал испокон века. Нетерпимость в условиях сурового климата – непростительная глупость.

Деревянные сибирские дома с многоярусными кружевными наличниками преобразуются зимой. Крашенные в яркие цвета на фоне белого снега, они нежны и изящны вопреки суровости и мощи природы. Окна в старинных деревянных домах небольшие, «чтобы тепло не выстужалось». Между рам нередко с осени хозяйки клали вату, а на нее яркие искусственные цветы или гроздь рябины, «чтобы глаз радовался».

Каменные дворцы и церкви привычны. То ли дело – Ледяной дом. Камергер А. Д. Татищев предложил Анне Иоанновне зимой 1739 года построить такой на Неве между Адмиралтейством и Зимним дворцом для увеселения. Творение Петра Еропкина простояло всего три месяца. Шутам Анны Иоанновны Авдотье Бужениновой и опальному князю Михаилу Голицыну, попавшему в шуты за тайное венчание с католичкой, после скоромошней свадьбы «первая брачная ночь» в Ледяном доме чуть не стоила жизни.

Профессор физики Георг Вольфганг Крафт, который делал расчеты прочности этого увеселительного шедевра, писал: «<...> и гораздо великолепнее казалось, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен, для того, что казался сделан быть будто бы из одного куска, и для ледяной прозрачности и синего его цвета на гораздо дражайший камень, нежели на мрамор походил <...>». Ледяной дом был небольшим: длина – 17 м, ширина – 5,5 м, высота – 6,5 м. Внутри были вырезаны интерьеры гостиной, буфета, спальни и туалета. В камине спальни горели ледяные дрова, вымазанные нефтью [4].

Ныне ледяными домами уже никого не удивить. Стоксовавшиеся по зиме европейцы забавы ради ночуют в ледяных кроватях на оленьих шкурах и платят за это удовольствие немалые деньги. А уж сколько стоят новогодние ледяные городки... Но ведь праздник!

Архитектурные шедевры времен Екатерины Великой на фоне северного неба и снега подобны бордовым

и зеленым самоцветам в золотой оправе. Белый покров подчеркивает их силуэт и отрывает от земли. Иногда зимой они кажутся случайно забредшими на русскую землю иноземными призраками. Летом эти призраки вновь обретают плоть.

Холод и снег избавляют сохранившиеся дворцовые и парковые ансамбли Петербурга от толпы и, возможно, чтобы почувствовать дух XVIII века, нужно приезжать в Петергоф и Павловск зимой. Барокко и классицизм несовместимы с толпой. Толпа во дворце – символ бунта и разрушения.

Бело-желтый ампир, пристанище великого духа античности, в России не боится мороза. За строгими окнами классических особняков, затянутыми морозными узорами, некогда гремели зимние балы. Те, кто вышел в декабре 1825 года на Сенатскую площадь, не снимали на этих балах сабель и шпор. Им было не до танцев.

Эклектические постройки второй половины XIX зимой позволяют мысленно отправиться в путешествие в теплые экзотические страны (дом Мурузи в Петербурге), вспомнить русское узорочье (особняк Игумнова в Москве), побывать в готической сказке (Петергофский вокзал) ... Не без утрат шедевры эпохи историзма пережили советскую эпоху, потому что построены на века, «не боятся ни жары и ни холода». В снежные сумерки доходные дома и особняки этой рациональной и в то же время мистической эпохи оживают. Белое покрывало скрывает утраты. Впрочем, эти здания стареют с достоинством. Попытки омолодить их современными косметическими методами не всегда удачны. Гореставраторы не понимают, почему тянутые вручную профили нельзя заменять пластиковыми.

В 1920-х годах авангардисты эти постройки ненавидели. Некоторые архитекторы и сегодня с небрежением говорят: «эkleктика», но построить ничего сопоставимого «в стилях» XIX века не могут. Выучка не та.

Конструктивизму и прочим «измам» 1920-х годов снежный покров безразличен: им вообще безразличен и природный, и городской контекст. Эти «буки» не способны на диалог. Немногочисленным фанатам авангарда начала XX века все равно – смотреть на эти постройки летом или зимой.

Снег в русских городах подчеркивает убогость хрущевских пятиэтажек и новых «этажерок». Исключение составляют Дом на набережной В. А. Павлова в Иркутске и еще некоторые истинные шедевры советского модернизма 60–70-х годов XX века, которые зимой преобразуются. Жители этого дома видят из окон незамерзающую Ангару в туманной дымке и противоположный берег реки.

А обитатели новых высотных домов на окраинах Москвы или Екатеринбурга, если повезет, могут увидеть с высоты энного этажа белую равнину, далекую деревню и свечки золотых куполов. Кто-нибудь, глядя на этот чисто русский пейзаж, возможно, вспомнит князя Евгения Трубецкого и его «Умозрение в красках»: «Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе как дальнее потустороннее видение града Божьего» [5].

Зимой застрявшим в восьмибалльных пробках, уставшим от суеты рабочего дня горожанам нет дела до архитектурных красот, даже если они едут по берегу Невы или Москвы-реки. Мир они воспринимают через фейсбук или инстаграм – там «френды», у которых случился отпуск, выкладывают фотографии идиллических снежных пейзажей, зимние виды Ростова Великого, Костромы, Коломны, Иркутска, Красноярска...

Зимой инфантильные адепты современного искусства в соцсетях призывают братьев по разуму участвовать в городских то ли в инсталляциях, то ли в флешмобах – например, сделать всем вместе длинный-предлинный шарф и повязать его на чугунную ограду моста, «чтобы городу стало теплее». Призывы не остаются без внимания. Такой шарф в прошлом году «украшал» в Екатеринбурге «Плотинку». В этом году кто-то одел стволы деревьев на бульваре в красные гетры, и уже который год городской сумасшедший превращает екатеринбургские фонари в подобие домашних торшеров, надевая на них оранжевые абажуры. Недавно милые молодые люди с голыми щиколотками по последней европейской моде раскладывали домашние подушки на промерзших лавках екатеринбургских автобусных остановок. Подушки, правда, быстро исчезли. Скорее всего, их сфотографировали, выложили в сеть и убрали. Сфотографировано, выложено в сеть – значит, было. А что? Это веселее, чем сидеть на лекциях по урбанистике, где рассказывают о пассивных домах, энергосбережении, выделенных полосах для общественного транспорта, велосипедных дорожках и прочих почти нереальных для зимней России вещах.

«Умные дома», «умные города», электромобили... Когда-нибудь в России это случится и будет работать в условиях зимы. И вертикальное озеленение, припорошенное снежком, тоже будет хорошо выглядеть. Правда, весной придется все заново вертикально озеленять. Но это не беда: современные русские западники ради того, чтобы было как у цивилизованных европейцев, еще и не на такие подвиги способны. Забыли, верно: «что для русского здорово, то для немца карачун!» И наоборот. А дальше у Вяземского в знаменитом стихотворении и вовсе резко сказано:

*Немец к мудрецам причислен,
Немец дока до всего,
Немец так глубокомыслен,
что провалишься в него.
Но по нашему покрову
Если немца взять врасплох,
А особенно зимою,
Немец – воля ваша, плох. [1].*

Да, в Европе есть «пассивные дома», велосипедные дорожки, общественный транспорт замечательно

работает... Но почему-то европейский опыт на русскую землю плохо переносится. А если и переносится, то какая-то ерунда всегда получается. Не рассчитан этот опыт на русский менталитет.

Вот, к примеру, первый снег припорошил тонкий лед на городских водоемах: обязательно кто-нибудь рискнет, несмотря на грозные таблички, прогуляться до середины реки или пруда. И будет горд собой, если не искупается в ледяной воде. А если искупается и выживет – значит, «авось» и тут сработал. Российскую зиму, которая всегда наступает неожиданно, и «авось» как принцип русской жизни никто отменить не может – ни депутаты Государственной Думы, ни президент, ни верующие в глобальное потепление и миссию Греты Тунберг.

А любопытному иностранцу в Россию лучше всего приезжать под Новый год. Ему покажут то, что он нигде и никогда больше не увидит: белые просторы, сохранившиеся старинные кремли и церкви (или руины, что тоже романтично, особенно зимой), кирпичное узорочье купеческих особняков, милые деревянные домики с белым дымом из труб и замысловатыми наличниками, заснеженные крыши, березы на фоне ярко-синего неба. Приведут в ресторан «Русская изба», где накормят блинами с икрой. Иностранец не будет задумываться над тем, что ему показали не современную жизнь, а идиллические образы XIX века, которые мы все знаем по рождественским и новогодним открыткам. Недаром ностальгирующие граффитисты пачкают стены домов надписью: «Верните мне мой девятнадцатый век». Вотще: это уходящая натура.

«Так в какой же город нужно приехать, чтобы лучше ощутить прелесть русской зимы?» – спросит иностранец. «Чем меньше городок – тем лучше», – будет ответ. Где-нибудь в Мышкине или Гороховце зимой только что выпавший снег пахнет мякотью арбуза, вечером мягко светятся окна в деревянных домах. На настоящие елки к Новому году вешают дедовские стеклянные игрушки: расписанные вручную шары, самолетики со звездами, бусы, дедов морозов, снегурочек... В Мышкине или Гороховце сладкая зимняя идиллия, греющая сердце путешественника. Но задерживаться там не нужно, чтобы в праздную голову не приходили ненужные мысли о том, как живется обитателям Мышкина в домах без центрального отопления, без супермаркетов, без вечного праздника столиц, последнее время лишенных в наказание за «западничество» нормальной русской зимы.

Литература

1. Вяземский, П. А. Масленица на чужбине. – URL: <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/t/16.html> (дата обращения: 30.12.2019)
2. Пушкин, А. С. Евгений Онегин. – URL: <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html> (дата обращения: 04.01.2020)
3. «Волим под царя восточного, православного» – URL: <https://zen.yandex.ru/media/rusplt.ru/volim-pod-caria-vostochnogo-pravoslavnogo-5a609f0ac5feafcaeda6c16f> (дата обращения: 08.01.2020)
4. Ледяной дом императрицы Анны Иоанновны. – URL: <https://www.culture.ru/materials/75704/ledyanoi-dom-imperatricy-anny-ioannovny> (дата обращения: 02.01.2020)
5. Трубецкой, Е. Н. Умозрение в красках. – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/book/1235> (дата обращения: 02.01.2020)

References

- Ledyanoi dom imperatitsy Anny Ioannovny [The Ice House of Empress Anna Ioannovna] (n.d.). Retrieved January 2, 2020 from <https://www.culture.ru/materials/75704/ledyanoi-dom-imperatricy-anny-ioannovny>
- Pushkin, A. S. (n.d.). Eugene Onegin. Retrieved January 4, 2020 from <https://ilibrary.ru/text/436/p.2/index/html>
- Trubetskoy, E. N. Umozrenie v kraskakh [Contemplation in colours] (n.d.). Retrieved January 2, 2020 from <https://lib.pravmir.ru/library/book/1235>
- Volim pod tsarya vostochnogo, pravoslavnogo [We want to be ruled by an Orthodox Christian tsar from the East]. (2018) Retrieved January 8, 2020 from <https://zen.yandex.ru/media/rusplt.ru/volim-pod-caria-vostochnogo-pravoslavnogo-5a609f0ac5feafcaeda6c16f>
- Vyazemsky, P. A. (n.d.). Maslenitsa na chuzhbine [Maslenitsa in a strange land]. Retrieved December 30, 2019 from <http://ruspoeti.ru/aut/vyazemskij/t/16.html>